

На правах рукописи

Елисеева Надежда Михайловна

**КВАЗИСОУЧАСТИЕ В САМОУБИЙСТВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар, 2020

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
Прохоров Леонид Александрович

Официальные оппоненты: **Шарапов Роман Дмитриевич**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», кафедра уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, профессор

Хатуев Ваха Бухадывович, кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», кафедра уголовного права и криминологии, доцент

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»**

Защита диссертации состоится « 23 » апреля 2020 года в 9⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 220.038.11 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина» по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус университета, ауд. 215.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке университета и на сайтах: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина» – www.kubsau.ru и ВАК – <https://vak.minobrnauki.gov.ru>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

А.В. Шульга

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Осложнение криминальной ситуации в сфере противодействия суициду вызывает особую тревогу во всех странах. По данным экспертов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ежегодно в мире самоубийством заканчивает жизнь почти один миллион человек, а попытки суицида предпринимают 10-20 млн. человек¹. Так, в России, согласно статистическим данным Следственного комитета РФ, только в 2016 г. совершили самоубийство 720 подростков. За три года (2016-2018 гг.) его осуществили 2205 детей, количество детских самоубийств возросло в 40 регионах страны².

В то же время уголовные дела по доведению до самоубийства доходят до судебного рассмотрения в незначительном количестве, о чем свидетельствуют данные судебной статистики (см. таблицу³):

Показатели	Годы / количество осужденных					
	2014	2015	2016	2017	2018	9 мес. 2019
ст. 110 УК РФ (с 2017 г. – ч. 1 ст. 110 УК РФ)	8	10	10	15	14	5
ч. 2 ст. 110 УК РФ					2	7
ч. 3 ст. 110 ¹ УК РФ					3	2
ч. 5 ст. 110 ¹ УК РФ					1	2
ч. 2 ст. 110 ² УК РФ						1

Исключительно высокая общественная опасность названного явления в последнее время предопределена активным воздействием на молодежь, подростков посредством использования возможностей средств массовой информации, сети «Интернет». В различных регионах страны (например, Московская, Иркутская области) зафиксированы действия так называемых «Групп смерти», компьютерных игр «Беги или умри», «Фея огня», оказывающих крайне разрушительное влияние на моральное состояние и здоровье неустойчивых молодых людей.

Сложившаяся ситуация обусловила беспрецедентное корректирование ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (*далее – УК РФ*), регла-

¹ От самоубийств в мире погибает больше людей, чем от войн и убийств // URL: <http://www.secretfree.info/1megalopolis/megalopolis5.htm> (дата обращения: 24.03.2018 г.).

² Пояснительная записка к законопроекту № 118634-7 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации // URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=118634-7&02> (дата обращения: 24.03.2018 г.).

³ См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.12.2019 г.).

ментирующей ответственность за доведение до самоубийства. Кроме того, в систему Особенной части УК введена ст. 110¹, состоящая из 6 частей, установившая повышенную ответственность за склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства. Санкции этих уголовно-правовых норм за совершение квалифицированных деяний предусматривают лишение свободы до 15 лет. Установлена ответственность и за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110² УК РФ), наказание за это преступление при наличии квалифицирующих признаков также установлено в виде лишения свободы до 15 лет.

Внесение законодателем корректив в содержание ст. 110 УК РФ, а также включение ст. ст. 110¹, 110² в систему Особенной части кодекса породило в уголовно-правовой теории противоречивые подходы к оценке новых составов преступлений, определению содержания их объективных и субъективных признаков, установлению пределов криминализации деяний, дифференциации уголовной ответственности за них и пенализации. *Особого внимания заслуживает вывод о фактическом наличии в их правовой регламентации элементов квазисоучастия, что подтверждает и анализ генезиса норм российского и зарубежного уголовного законодательства.*

Новые уголовно-правовые нормы сконструированы достаточно сложно и представляют трудности для их восприятия практическими работниками, пределы ответственности, ими установленные, должным образом не скоординированы. Отмеченные обстоятельства делают теоретически и практически значимым, своевременным и актуальным научное исследование указанных проблем, изучение материалов следственной и судебной практики.

Таким образом, изложенное свидетельствует об актуальности темы исследования, связанной с серьезной правовой и нравственно-социальной проблемой, и о необходимости ее углубленного изучения.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Уголовно-правовому исследованию явления самоубийства, его социальных, религиозных предпосылок, специфике правовой регламентации ответственности за самоубийство и доведения до него уделено достаточно много внимания со стороны ученых и религиозного, и светского направления. Среди них: Р. З. Авакян, Ф. Аквинский, И.А. Алиев, А.Г. Амбрумова, В.Ш. Аюпов, Л.А. Берлин, С.В. Бородин, А.М. Бычкова, Ю.А. Воронин, Э. Дюркгейм, А.В. Земскова, Н.Н. Ильин, В.С. Ишигеев, Н.М. Карамзин, Т.В. Кленова, А.Ф. Кони, А.И. Коробеев, А.Н. Красиков, Н.Е. Крылова, С.Ф. Милюков, Н.В. Могиленко, Н.В. Огородникова, Э.Л. Раднаева, Н.С. Таганцев, Ю.В. Сараева, Т.П. Страмилова, Ю.А. Уколова, В.Б. Хатуев, Р.Д. Шарапов, М.Д. Шаргородский и ряд иных авторов.

Непосредственно проблемам ответственности за названные преступления, их предупреждения, а также смежным вопросам посвятили исследования в рамках кандидатских диссертаций следующие авторы: Р.А. Шахманов («Предупреждение самоубийств среди осужденных к лишению свободы: правовые и криминологические аспекты», Рязань, 2001); Н.А. Сафонова («Доведение до самоубийства: социальный и уголовно-правовой аспекты», Екатеринбург, 2002); Г.А. Фастовцов («Клинико-динамические особенности стресс-провоцированного суицидального поведения у военнослужащих», М., 2003); Д.И. Эльмурзаев («Уголовная ответственность за доведение до самоубийства», М., 2004); О.Р. Цой («Криминологические проблемы пенитенциарного суицида и его предупреждение: по материалам Республики Казахстан», М., 2006); Ю.А. Уколова («Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния», М., 2008); Е.К. Волконская («Предупреждение доведения до самоубийства», Рязань, 2011); А.А. Цыркалюк («Уголовная ответственность за доведение до самоубийства»), М., 2011); Н.Г. Чукаева («Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство (проблемы законодательного регулирования)»), Тюмень, 2011).

Объектом диссертационного исследования выступают представленный в уголовном законе подход к криминализации доведения до самоубийства, склонения к нему, содействия ему, организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, их пенализации, дифференциации ответственности за названные деяния, а также общественные отношения, складывающиеся в сфере противодействия исследуемым преступлениям уголовно-правовыми средствами.

Предметом исследования являются:

– памятники отечественного права, регламентирующие уголовную ответственность за доведение до самоубийства;

– объективные и субъективные признаки составов доведения до самоубийства, склонения к нему, содействия ему, организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, закрепленные нормами действующего уголовного закона;

– корреспондирующие нормы уголовного законодательства стран Дальнего и Ближнего зарубежья, регламентирующие ответственность за сходные преступные деяния;

– положения уголовно-правовой доктрины в части толкования категорий «доведение», «склонение», «содействие» самоубийству, понимания юридических признаков составов преступлений, сконструированных в ст. ст. 110, 110¹, 110² УК РФ, и вопросов их квалификации;

- квазисоучастие в уголовно-правовом смысле как специфическая форма совместного общественно опасного поведения, включенная законодателем в институт соучастия;
- материалы следственной и судебной практики рассмотрения и разрешения уголовных дел о названных преступлениях;
- статистические данные МВД РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ, касающиеся исследуемых преступлений;
- обобщенные результаты проведенного автором социологического исследования.

Цель исследования заключается, прежде всего, в теоретическом осмыслении проблемы форм реализации *соучастия в преступлении без потенциального исполнителя*, так называемого квазисоучастия («*ненастоящего*» соучастия), посредством конструирования составов *доведения до самоубийства, склонения к нему, содействия* его совершению, а также *организации деятельности*, направленной на побуждение к совершению самоубийства, и разработке на этой основе предложений по совершенствованию дифференциации ответственности за эти деяния и их пенализации, а также рекомендаций по оптимизации правоприменительной практики в определенной ее части.

Задачи диссертационного исследования определены в соответствии с указанной целью:

- провести анализ содержания института квазисоучастия в самоубийстве и генезиса законодательной регламентации входящих в него норм – от краткой диспозиции ст. 148 УК РСФСР 1922 г. до пространных редакций ст. ст. 110, 110¹, 110² УК РФ, устанавливающих ответственность за доведение до самоубийства, склонение к нему, содействие ему и организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства;
- осуществить ретроспективный анализ процесса развития российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства с установлением наиболее рациональных решений с целью их использования в современном отечественном законодательстве;
- провести сравнительно-правовое исследование корреспондирующих положений современного зарубежного уголовного законодательства с целью выявления позитивного нормотворческого опыта;
- исследовать основные и квалифицированные составы преступлений, сформулированные в ст. ст. 110, 110¹, 110² УК РФ, подходы законодателя к построению санкций соответствующих уголовно-правовых норм;
- изучить материалы судебной практики по делам о доведении до самоубийства, склонении к нему, содействии ему и об организации деятельно-

сти, направленной на побуждение к совершению самоубийства, проанализировав, в том числе, подходы судов к назначению наказания за эти преступления.

Научная новизна диссертационного исследования. В работе впервые на монографическом уровне осуществлен комплексный критический анализ проведенного в 2017 г. корректирования подходов к дифференциации ответственности за доведение до самоубийства в санкциях ч. 1 и ч. 2 ст. 110 УК РФ и законодательного решения о дополнении Уголовного кодекса двумя статьями: «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» (ст. 110¹ УК РФ) и «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» (ст. 110² УК РФ).

Соискателем разработан комплекс новых теоретических положений, связанных с предложенным им понятием института квазисоучастия в самоубийстве, определено его содержание и перспективы развития.

В процессе исследования в законодательном формулировании института квазисоучастия в самоубийстве выявлены противоречивые подходы в оценке включенных в него новых составов преступлений, содержании их объективных и субъективных признаков, определении пределов криминализации деяний, дифференциации уголовной ответственности и пенализации.

В диссертации с учетом положений института соучастия, а равно этимологического значения терминов «*доведение*», «*склонение*», «*содействие*», «*организация*» и осуществленного впервые всестороннего сравнительно-правового анализа подходов к криминализации доведения до самоубийства отечественного (в разные исторические периоды) и зарубежного законодателя предложен новый подход к регламентации ответственности за совершение названных преступлений.

Научная новизна исследования находит выражение и в основных положениях, выносимых на защиту.

Положения, выносимые на защиту:

1. Предложено понятие института квазисоучастия в самоубийстве, основанное на результатах анализа норм российского и зарубежного уголовного законодательства, посвященных ответственности за доведение до самоубийства, а также базовых постулатах теории соучастия. В уголовно-правовом понимании – это «мнимое» участие лица в совершении преступления *в роли исполнителя*. Следовательно, *квазисоучастием в уголовном праве* следует понимать специфическую форму совместного общественно опасного поведения, включенного законодателем в институт соучастия, при наличии возрастной или психической недееспособности *фактического исполнителя деяния*, насильственного или служебного ограничения его волеизъявления

либо иного противоправного воздействия на него с целью совершения последним общественно опасного деяния либо деяния, не обладающего применительно к его исполнителю признаком общественной опасности в уголовно-правовом его понимании, но объективно социально опасного (в частности, самоубийства).

2. Основанный на изучении генезиса положений Общей части уголовного законодательства вывод, что российский законодатель до 1991 г. не включал элементы квазисоучастия в институт соучастия в качестве его структурной составляющей. В то же время процесс развития правового регулирования разных форм проявления квазисоучастия, в том числе квазисоучастия при самоубийстве, вызывает особую заинтересованность современного законодателя в их правовом разрешении. Причем трансформация подходов к регламентации ответственности при квазисоучастии в разное время, в странах с различными правовыми системами имела свои особенности.

3. Абрис понятия института квазисоучастия был впервые очерчен в ст. 19 Основ уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик 1991 г., нормативно признавшей исполнителем лицо, совершившее преступление *посредством использования других лиц, в силу закона не подлежащих уголовной ответственности*. Понятие квазисоучастия как составной части института соучастия еще более детально сформулировано в ч. 2 ст. 33 УК РФ 1996 г.

Сообразно такому же алгоритму эволюционировало понятие квазисоучастия в самоубийстве в Особенной части УК – от краткой диспозиции ст. 148 УК РСФСР 1922 г. до пространных редакций ст. ст. 110, 110¹, 110² УК РФ, регламентирующих ответственность за доведение до самоубийства, склонение к нему, содействие ему и за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

4. Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, включает в качестве конструктивного признака общественно опасные последствия в виде самоубийства потерпевшего или покушения на самоубийство. Вместе с тем применительно к рассматриваемому составу преступления наблюдается специфическое проявление причинно-следственной связи. Поскольку факт самоубийства, покушения на самоубийство потерпевшего выступает не самоцелью, а отдаленным последствием воздействия на него, *прямая причинная связь наличествует с фактом причинения физических и (или) психических страданий жертве*. Именно в контексте причинно-следственной связи наиболее ярко проявляется квазисоучастие в совершении рассматриваемого преступления. Самоубийство, покушение на самоубийство, совершаемые потерпевшим, находятся с действиями виновного в *опосредованной* причинной связи. Однако она должна быть обусловлена

именно действиями виновного, а не другими сопутствующими обстоятельствами.

5. Содержание объективной стороны преступлений, предусмотренных частями 1-6 ст. 110¹ УК РФ, по сути, является аналогичным наполнению названного элемента состава в ст. 110 УК РФ. Состав *склонения*, т.е. подстрекательства к совершению самоубийства, в ч. 1 ст. 110¹ УК включает *уговор, подкуп, угрозу или иной способ*, что соответствует положениям ч. 4 ст. 33 УК РФ. *Содействие* совершению самоубийства в ч. 2 ст. 110¹ УК предполагает воздействие на потерпевшего советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства, что соответствует положениям ч. 5 ст. 33 УК РФ. *Результатом первой и второй форм воздействия* является умышленное причинение смерти *потерпевшему самим потерпевшим*.

6. Обоснован вывод, что деяния, сформулированные в ч. 1 ст. 110² УК РФ, по сути, те же пособнические или подстрекательские действия, только не персонифицированные, но тесно связанные с предусмотренными в ст. 110 и 110¹ кодекса. Их однородность подтверждает и сам законодатель в примечании к статье 110² УК РФ, регламентируя деятельное раскаяние.

7. Сопоставительный анализ положений ч. 4 и ч. 5 ст. 33 УК РФ с признаками объективной стороны исследуемых составов преступлений показывает, что нормы, содержащиеся в ст. ст. 110, 110¹, 110² УК РФ, закрепляют соответствующие виды *подстрекательства* и *пособничества* совершению самоубийства. Отмеченные формы воздействия на лицо, совершившее самоубийство или покушение на него, *отличаются лишь интенсивностью, степенью опасности*. При этом в анализируемых статьях предусмотрены совершенно идентичные квалифицирующие признаки.

8. Содержание субъективной стороны доведения до самоубийства характеризуется умыслом – прямым или косвенным. Данное утверждение базируется на представлении о доведении до самоубийства как о специфической разновидности квазисоучастия. Если абстрагироваться от особенностей, ей свойственных, то можно констатировать, что для нее характерны все признаки соучастия как такового, в том числе субъективные, определенные в ст. 32 УК РФ. Поэтому речь в данном случае должна идти об умышленной деятельности: квазисоучастник намеренно подталкивает лицо к совершению самоубийства, а «исполнитель» последнего осознанно и намеренно лишает себя жизни.

9. Наличие в системе Особенной части УК РФ трех повторяющих идентичные положения статей не соответствует принципам, механизму и

культуре правотворчества. Тем более что базовые термины, положенные в основу формулирования соответствующих составов преступлений (доведение, склонение, побуждение), имеют *одно этимологическое значение*. На основе осуществленного сопоставительного грамматического анализа указанных терминов следует вывод о необходимости отказа от широкого применения в УК РФ категорий, являющихся синонимами друг друга, поскольку это порождает определенный «хаос», затрудняет толкование положений уголовного закона и создает высокую вероятность ошибок в процессе правоприменения.

10. Предложено сконструировать статью 110 УК РФ в новой редакции, исключив из закона ст. ст. 110¹ и 110²:

«Статья 110. Доведение до самоубийства посредством подстрекательских либо пособнических деяний

1. Склонение к совершению самоубийства путем уговора, указания, обмана, дачи обещания скрыть средства или орудия совершения самоубийства или иными способами, не сопряженными с физическим насилием, унижением человеческого достоинства, причинением психических страданий, – наказывается...

2. Содействие совершению самоубийства советом, предоставлением информации о способах совершения самоубийства, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению – наказывается...

3. Доведение лица до самоубийства или попытки самоубийства посредством применения физического насилия, систематического унижения человеческого достоинства или причинения психических страданий, – наказывается...

4. Деяния, предусмотренные частью первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные:

а) в отношении лица, заведомо для виновного не достигшего шестнадцатилетнего возраста, или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;

б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

в) в отношении двух или более лиц;

г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

д) в публичном выступлении, в публично демонстрирующемся произведении, с использованием средств массовой информации или информационно-

телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), – наказываются...

Примечание. Лицо, оказавшее содействие в самоубийстве при наличии просьбы потерпевшего, страдающего неизлечимым, причиняющим особые страдания заболеванием, о котором виновному было заведомо известно, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Методология и методика исследования. В процессе выполнения диссертационной работы использован комплекс общенаучных и специально-научных методов, которые обеспечили объективность исследования и стали основой для всестороннего изучения избранной темы. В основу диссертационного исследования положен всеобщий диалектический метод познания. Кроме того, были использованы такие общенаучные и частно-научные методы, как анализ и синтез, сравнительно-правовой, системно-структурный, формально-догматический, формально-юридический, социологический, метод классификации, герменевтики, обобщения и моделирования.

Нормативную базу диссертационного исследования составляют: Конституция РФ; УК РФ 1996 г.; памятники отечественного уголовного права – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; Уголовное уложение 1903 г.; УК РСФСР 1922 г., 1926 г., 1960 г.; ряд Федеральных законов, Указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ; уголовное законодательство зарубежных государств – Австрии, Аргентины, Армении, Бразилии, Венесуэлы, Голландии, Грузии, Дании, Италии, Канады, Литвы, Норвегии, Республики Азербайджан, Республики Казахстан, Республики Кыргызстан, Республики Молдова, Республики Таджикистан, Республики Туркменистан, Республики Узбекистан, Румынии, Сан-Марино, Турции, Украины, Филиппин, Чили, Швейцарии.

Теоретическую основу исследования образуют научные труды авторов, указанных при описании степени научной разработанности темы диссертации, а также ряда иных представителей уголовно-правовой доктрины, криминологии и социологии.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составили постановления Пленума Верховного Суда РСФСР (утратившие силу), Пленума Верховного Суда РФ, решения Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам; материалы 82 уголовных дел, рассмотренных судами Краснодарского и Ставропольского краев, других регионов Российской Федерации; результаты опроса 100 респондентов (ученых, следователей, судей, студентов юридического факультета).

Теоретическая значимость диссертационного исследования предопределена тем, что содержащиеся в нем положения и выводы развивают отечественную уголовно-правовую доктрину в соответствующей части. Положения диссертации могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях проблемы противодействия квазисоучастию в самоубийстве.

Практическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные в работе конкретные предложения по корректированию уголовного закона в части регламентации квазисоучастия в самоубийстве, а также рекомендации по дальнейшей дифференциации ответственности и пенализации доведения до самоубийства, в том числе с учетом результатов компаративистского анализа зарубежных уголовных законов, могут быть использованы в процессе дальнейшего совершенствования российского уголовного законодательства. Результаты анализа судебной практики назначения наказания за названные преступления применимы судами в их деятельности, а также для использования Верховным Судом РФ при разработке соответствующих рекомендаций.

Материалы исследования могут быть использованы в учебном процессе юридических ВУЗов при преподавании уголовно-правовых дисциплин, а также в системе повышения квалификации и переподготовки практических работников.

Достоверность и апробация результатов диссертационного исследования. Выводы и предложения, содержащиеся в диссертации, степень их достоверности обеспечены: 1) методологическим подходом к их получению и формулированию; 2) надлежащей нормативной базой исследования; 3) изучением значительного числа научных трудов в сфере уголовного права, криминологии, социологии и других наук; 4) репрезентативностью выборки при изучении уголовных дел и определения круга респондентов.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования. Основные выводы и положения диссертации докладывались и обсуждались на кафедре уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, на которой подготовлена диссертация. Они отражены в 8 научных статьях автора, в том числе 1 зарубежной и 4, опубликованных в изданиях, включенных в перечень ВАК. Содержащиеся в диссертации положения, выводы и предложения соискателя обсуждены на 3 международных научно-практических конференциях: «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (Краснодар, Краснодарский университет МВД РФ, 21.09.2018 г.); VII и VIII Международные научно-практические конференции «Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности и здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых

интересов» (Краснодар, КСЭИ, 20.04.2018 г. и 18.04.2019 г.); а также на IV Всероссийской научно-практической конференции ученых, аспирантов, соискателей и магистрантов «Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики» (г. Краснодар, КубГАУ, 23.11.2018 г.).

Результаты исследования внедрены в учебный процесс в Кубанском государственном университете, в практическую деятельность правоприменительных органов (что подтверждается имеющимися актами о внедрении).

Структура диссертации сформирована с учетом объекта и предмета, целей и задач исследования. Она включает введение, три главы, объединяющие 9 параграфов, заключение, список использованных источников, приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении приведены аргументы, подтверждающие актуальность темы диссертации, показана степень её научной разработанности; определены объект, предмет, цели и задачи исследования; представлена информация об его методологической, теоретической, нормативной и эмпирической основах; показана научная новизна исследования; сформулированы основные положения, выносимые на защиту; обоснована теоретическая и практическая значимость работы; приведена информация о достоверности и об апробации результатов диссертационного исследования, о его структуре.

Первая глава «Становление института квазисоучастия в самоубийстве в российском уголовном праве: компаративистский анализ подходов к криминализации отдельных видов квазисоучастия» включает три параграфа. В *первом параграфе «Уголовно-правовая оценка доведения до самоубийства в российском законодательстве до 1917 года: ретроспективный анализ»* рассмотрен генезис регламентации уголовной ответственности за доведение до самоубийства в законодательных актах Российского государства, начиная с XV по XX вв. Осуществленный в диссертации исторический анализ показал, что, строго говоря, начало правовой регламентации отношения к самоубийству было положено в эпоху правления Петра I. В Артикуле Воинском 1715 г. под сильным влиянием христианской традиции была установлена уголовная ответственность за самоубийство и покушение на него. При этом законодатель рассматривал самоубийцу как носителя двух ипостасей одновременно: и *исполнителя*, и *потерпевшего*. Тенденция разграничения самоубийства, покушения на него и доведения до самоубийства стала просматриваться лишь в нормах Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Именно в этот период начал закладываться фундамент

криминализации квазисоучастия в самоубийстве посредством формирования состава доведения до совершения самоубийства или покушения на него. Окончательное оформление названный состав получил в Уголовном Уложении 1903 г., криминализовавшем как *действия подстрекателя* – склонение, так и *действия пособника* – участие в любой форме в совершении самоубийства; *субъективную сторону* этих преступлений характеризовала умышленная форма вины.

Второй параграф «Регламентация ответственности за доведение до самоубийства в советском и постсоветском уголовном праве (1917-1996 г.): исторический экскурс» содержит анализ интересующих соискателя уголовно-правовых норм, включенных законодателем в Уголовные кодексы России 1922, 1926, 1960, 1996 гг. Эволюция института уголовной ответственности за доведение до самоубийства в России завершилось принятием УК РФ 1996 г., который стал образцом законодательства постперестроечного периода в РФ. Однако в вопросе регламентации ответственности за доведение до самоубийства он поначалу оставался, в основном, на прежних позициях. Но, тем не менее, диспозиция ст. 110 УК РФ 1996 г. уже в первой ее редакции выгодно отличалась от предыдущих аналогов тем, что в ней более четко описывался способ совершения деяния: «...путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего». Признак *систематичности* был предусмотрен для действий, связанных с унижением человеческого достоинства. Что же касалось жестокого обращения, то для привлечения к уголовной ответственности достаточно было установить наличие *единичного подобного факта*. При этом границы криминализации доведения до самоубийства были расширены за счет исключения указания на такое условие, как материальная или иная зависимость потерпевшего от субъекта преступления. Развитие криминализации различных форм квазисоучастия в самоубийстве стало логичным итогом и естественным продолжением тех основ криминализации содействия самоубийству, которые формировались в отечественном законодательстве на протяжении последних IV веков.

Статья 110 УК РФ в первоначальной редакции функционировала до принятия Федеральных законов РФ от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ и от 29 июня 2017 № 248-ФЗ, которыми был существенно скорректирован состав доведения до самоубийства, а также дополнительно введены в УК ст. 110¹, устанавливающая ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие его совершению, и ст. 110², криминализующая организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

В третьем параграфе «Понятие института квазисоучастия применительно к проблеме противодействия доведению до самоубийства: трансформация законодательных и теоретических подходов к его содержанию» рассмотрен процесс развития подходов к понятию квазисоучастия в самоубийстве. «Квази» (лат. «quasi») – это приставка к различным словам, означающая: «якобы» совершенное что-либо или «мнимое» совершение чего-либо. В уголовно-правовом понимании – это «мнимое» участие лица в совершении преступления *в роли исполнителя*. Что касается квазисоучастия в самоубийстве, то оно обладает выраженной спецификой. Ядром, лежащим в основе его формирования, является не общественно опасное деяние, признаваемое уголовным законом преступлением и совершаемое лицом, не подлежащим уголовной ответственности вследствие наличия обстоятельств, указанных в УК РФ, а ретритистская форма поведения человека, не признаваемая законом преступлением, хотя объективно и социально опасная. Таким образом, исполнитель деяния преступления не совершает (даже обладая формально всеми признаками субъекта преступления), а соучастники (организаторы, подстрекатели, пособники) подлежат уголовной ответственности. Следовательно, *квазисоучастием в уголовном праве* следует понимать специфическую форму совместного общественно опасного поведения, включенного законодателем в институт соучастия, при наличии возрастной или психической недееспособности *фактического исполнителя деяния*, насильственного или служебного ограничения его волеизъявления либо иного противоправного воздействия на него с целью совершения последним общественно опасного деяния либо деяния, не обладающего применительно к его исполнителю признаком общественной опасности в уголовно-правовом его понимании, но объективно социально опасного (в частности, самоубийства).

Законодательный абрис квазисоучастия впервые был закреплен в ст. 19 Основ уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик 1991 г. Указанная статья была посвящена описанию видов соучастников, среди которых в ч. 3 статьи называлось лицо, совершившее преступление *посредством использования других лиц, в силу закона не подлежащих уголовной ответственности*. В УК РФ 1996 г. понятие так называемого «посредственного исполнителя» было скорректировано и изложено более полно в ч. 2 ст. 33 УК РФ.

По аналогии с отмеченными общими тенденциями развития института соучастия рассматривается и генезис института квазисоучастия в самоубийстве – от краткой диспозиции ст. 148 УК РСФСР 1922 г. до пространных редакций ст. ст. 110, 110¹, 110² УК РФ 1996 г., регламентирующих ответственность за доведение до самоубийства, склонение к нему, содействие ему, ор-

ганизацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. Сопоставительный анализ положений ч. 4 и ч. 5 ст. 33 УК РФ с признаками объективной стороны исследуемых составов показывает, что ст. ст. 110, 110¹, 110² УК РФ предусматривают соответствующие виды подстрекательства или пособничества к совершению самоубийства. Отмеченные формы воздействия на лицо, совершившее самоубийство или покушение на него, *отличаются лишь степенью опасности и интенсивностью воздействия*¹. Поэтому расположение в системе Особенной части УК РФ трех дублирующих идентичные положения статей не соответствует принципам, механизму и культуре правотворчества. Эффективность противодействия исследуемым преступлениям зависит не от количества статей, а от четкости конструирования объективных и субъективных признаков состава, отражающих высокую степень общественной опасности соответствующих деяний, а также от правовой обоснованности судебных решений. Для обеспечения правильной квалификации анализируемых деяний, более обоснованной дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания за доведение до самоубийства, руководствуясь положениями института соучастия, соискатель предлагает сконструировать на базе положений ст. ст. 110, 110¹, 110² одну статью УК РФ в новой редакции с учетом уже закрепленных в законе дифференцирующих (квалифицирующих) обстоятельств.

Вторая глава «Составы квазисоучастия в самоубийстве в уголовном праве (ст. ст. 110, 110¹, 110² УК РФ): подходы к их конструированию и перспективы оптимизации» состоит из двух параграфов. *Первый параграф «Объективная сторона составов квазисоучастия в самоубийстве: перспективы реконструкции признаков доведения, склонения, содействия самоубийству и организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства»* структурно включает четыре подпараграфа.

В подпараграфе 2.1.1 рассмотрена объективная сторона доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ), ее соотношение с иными видами квазисоучастия в самоубийстве, а также отмечены перспективы ее реконструкции. Основные принципиальные черты криминализации доведения до самоубийства особенно четко прослеживаются в положениях Федеральных законов от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ и от 29.06.2017 г. № 248-ФЗ. По правовой конструкции состав доведения до самоубийства – материальный. Поэтому обязательными признаками его объективной стороны выступают общественно опасное деяние, преступное последствие и причинно-следственная связь между ними.

¹ С тем, что «доведение лица до самоубийства» и «склонение лица к совершению самоубийства» – однопорядковые понятия и отличаются лишь степенью интенсивности и опасности воздействия, согласилось 90 % опрошенных в ходе исследования респондентов.

В диспозиции ч. 1 ст. 110 УК РФ законодатель определяет круг способов, использование которых формирует объективную сторону состава доведения до самоубийства. Это:

а) *угроза*, направленная на личность как потерпевшего, так и его близких. При оценке характера угрозы важное значение имеет субъективное восприятие ее потерпевшим как представляющей реальную для него опасность, но полноценная картина реальности угрозы должна опираться, в том числе, и на ее объективный характер;

б) *жестокое обращение*, проявлениями которого на практике признается систематическое нанесение побоев, применение пыток, глумление, истязание потерпевшего и причинение вреда его здоровью той или иной степени тяжести. При этом виновный должен осознавать, что причиняет потерпевшему особые мучения и страдания;

в) *систематическое унижение человеческого достоинства*: в судебной практике под ним понимаются многократно повторяемые, носящие постоянный характер клеветнические измышления, оскорбления, несправедливая критика, травля потерпевшего, издевательства, а также изуверские обряды, навязывание религиозными сектами бесчеловечных стандартов поведения.

Обязательным элементом объективной стороны состава доведения до самоубийства выступает общественно опасное последствие – самоубийство, т.е. смерть потерпевшего, или покушение на самоубийство. В этой формулировке обращает на себя внимание употребление законодателем *категории «покушение»*. Это архаизм, пришедший из прошлого, когда самоубийство признавалось преступлением, предполагавшим, в том числе, и стадию покушения. В настоящее время самоубийство само по себе к преступлению не отнесено.

Обращает на себя внимание, что в рассматриваемом составе преступления наблюдается специфическое проявление причинно-следственной связи. Поскольку факт самоубийства (покушения на него) жертвы негативного воздействия выступает не самоцелью, а отдаленным последствием издевательств и пр., прямая причинная связь наличествует с фактом причинения физических и (или) психических страданий лицу, которые являются, если так можно выразиться, «последней каплей» при выборе им суицидного (не суицидного) поведения. Именно в контексте причинно-следственной связи особенно ярко проявляется квазисоучастие в совершении рассматриваемого преступления. В прямой причинно-следственной связи находятся действия виновного и переживаемые потерпевшим психические страдания, испытываемая им физическая боль. Самоубийство же, совершаемое самим потерпев-

шим, находится с действиями виновного в опосредованной причинной связи, однако должно быть обусловлено действиями виновного.

Итоги анализа обязательных признаков объективной стороны основного состава доведения до самоубийства позволяют констатировать, что, несмотря на существенный прогресс их законодательного описания, требуется более оптимальная правовая регламентация ответственности за доведение лица до самоубийства или его попытки (покушения на него). При этом следует учесть отличительные особенности его правовой конструкции, равно как и семантического толкования категорий «угроза», «жестокое обращение», «унижение человеческого достоинства», «доведение», «склонение», «содействие».

В *подпараграфе 2.1.2.* подвергнуты анализу признаки объективной стороны склонения к самоубийству, закрепленные законодателем в ч. 1 ст. 110¹ УК РФ, а также намечены перспективы ее реконструкции. Значимость данного вопроса актуализируется и в связи с тем, что действия квазиподстрекателя к совершению самоубийства обладают высокой общественной опасностью и требуют точной правовой оценки. В российской уголовно-правовой теории склонение традиционно относили к подстрекательству, сохраняется подобный подход и в современной уголовно-правовой доктрине.

Следует отметить, что объективная сторона анализируемого преступления в настоящее время достаточно многоаспектна. Ее сложность обусловлена сформировавшейся реальной оперативной обстановкой, в силу чего ее рамки значительно расширились. Обоснованность рассмотрения склонения к совершению самоубийства в рамках института соучастия обусловлена тем, что оно, как отмечено ранее, являет собой особый вид соучастия в преступлении – квазисоучастие.

Законодатель создал сложную ситуацию, поскольку в контексте ч. 1 ст. 110 УК РФ доведение до самоубийства, так же, как и действия виновного, криминализованные в ч. 1 ст. 110¹ УК РФ, следует оценивать как квазиподстрекательство. В связи с этим в литературе высказаны, например, предложения об объединении «доведения» и «склонения» к самоубийству в рамках ч. 1 ст. 110 УК РФ (М.А. Малетина); о возможности вменения ст. 110 УК РФ при отдельных случаях склонения, так как понятия «доведение» и «склонение» синонимичны (А.А. Цыркалюк). В целом ряде научных и учебных источников указано, что *«доведение лица до самоубийства допускается через склонение»*.

Подобная авторские трактовки имеют право на существование вследствие наличия в законе, в ст. ст. 110 и 110¹ УК РФ, дублирующих положений. Отграничение рассматриваемых преступлений может осуществляться лишь

по способам их совершения, что влияет на дифференциацию уголовной ответственности, но не на суть самого деяния. Действия лица, склоняющего к самоубийству, как и доводящего до него, в полной мере подпадают под признаки подстрекательства (ч. 4 ст. 33 УК РФ), но только с оговоркой о соучастии особого рода – квазиподстрекательстве. Сопоставительный грамматический анализ категорий «доведение» и «склонение» позволяет сделать *вывод о необходимости отказа от широкого применения в УК РФ категорий, являющихся синонимами друг друга, поскольку это создает определенный «хаос», затрудняет толкование положений уголовного закона и порождает высокую вероятность ошибок в процессе правоприменения.*

По законодательной конструкции *основной состав* склонения к самоубийству относится к формальным, т.е. объективная сторона характеризуется только действиями. Преступные последствия вынесены за рамки *именно основного состава*. Однако они не исключены законодателем окончательно из характеристики данного преступления. Законодатель в ч. 4-6 ст. 110¹ УК РФ признает в качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков факт совершения самоубийства или покушения на него. При этом санкция ч. 6 ст. 110¹ УК РФ предусматривает лишение свободы на срок от 8 до 15 лет, как и ч. 2 ст. 110 УК РФ. Трудно понять идею законодателя относительно обеспечения дифференциации уголовной ответственности в рассматриваемых случаях.

Наряду с традиционными формами склонения к суициду, сформулированными в диспозиции ч. 1 ст. 110¹ УК РФ, в России получили широкое распространение новые формы, представляющие особую специфическую опасность. Прежде всего, на практике возникают проблемы отграничения исследуемого преступления от вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ч. 1, ч. 2 ст. 151² УК РФ). В рамках действия ст. 151² УК РФ речь также идет и о различных интернет-играх: «Беги или умри», «Фея огня» и др. В работе соискателем предложены критерии разграничения указанных преступлений.

В *подпараграфе 2.1.3* проанализирована другая форма квазисоучастия в самоубийстве, т.е. квазипособничество, выступающее в виде содействия совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110¹ УК РФ). В контексте данного состава преступления термин «содействие» означает оказание практической помощи в самоубийстве лицу, который *сам изъявил желание* совершить самоубийство. Анализ закрепленных в ч. 2 ст. 110¹ УК РФ способов совершения содействия совершению самоубийства дает основание для вывода о возможности их подразделения на интеллектуальное и материальное (физическое) со-

действие. Так, дача советов, указаний, предоставление информации, дача обещания скрыть средства или орудия совершения самоубийства представляют собой интеллектуальное квазипособничество совершению самоубийства. Предоставление средств, орудий совершения самоубийства либо устранение препятствий к его совершению – формы материального (физического) квазипособничества указанной деятельности.

В диссертации проанализированы признаки объективной стороны содействия совершению самоубийства, сформулированные в ч. 2 ст. 110¹ УК РФ, и предложены направления ее реконструкции.

Подпараграф 2.1.4 посвящен критическому анализу объективной стороны организации деятельности, направленной *на побуждение* к совершению самоубийства (ч. 1 ст. 110² УК РФ), и определению перспектив модернизации этого состава преступления. Соискатель отмечает, что представленный в названной статье подход законодателя не вполне вписывается в общепринятое понятие организатора. Прежде всего, *этимологическое содержание* понятия организатора предполагает создание им *чего-то* конкретно обособленного (например, организации), придание его деятельности планомерного характера, руководство им. В рассматриваемой же ситуации законодатель не ведет речь о формировании каких-либо образований, организаций, которые бы занимались соответствующей деятельностью¹. Очевидно, это предполагается, но четко в законе не обозначено.

В работе сделан вывод, что указанное в 110² УК РФ деяние, образующее объективную сторону названного в ней преступления, не соответствует в полном объеме ни этимологическому, ни правовому содержанию понятия «организация», а закрепленный в статье вид организуемой противоправной деятельности следует оценивать в конечном счете, *во-первых*, как *пособничество*, когда до конкретных лиц доводят информацию о способах совершения самоубийства, специально разработанную инструкцию вступления в игру, итогом которой является его совершение; *во-вторых*, как *подстрекательство*, когда применяют различного рода призывы совершить самоубийство, обращенные к конкретным лицам.

В рассматриваемых случаях, по мнению соискателя, на уголовно-правовую оценку содеянного не должен влиять тот факт, что подстрекатель или пособник связаны с потерпевшим посредством Интернета.

Параграф 2.2 посвящен анализу признаков субъективной стороны и субъекта доведения до самоубийства, склонения к нему, содействия ему и

¹ На то, что содержание объективной стороны рассматриваемого состава преступления не содержит признаков организации, установленных ч. 3 ст. 33 УК РФ, указало 90% опрошенных в ходе исследования респондентов.

организации деятельности, направленной на побуждение к самоубийству. В диссертации проанализированы представленные в науке 7 дискуссионных подходов к содержанию субъективной стороны, обусловленных принципиальным корректированием ст. 110 УК РФ и введением в закон в 2017 г. ст. ст. 110¹ и 110². Принятием пространных редакций названных статей законодатель значительно усложнил проблему определения субъективной стороны этих преступлений, тем более что в уголовно-правовой теории и до этого единства точек зрения на данный счет не было. Думается, что точному толкованию содержания субъективной стороны доведения до самоубийства, склонения к нему, содействия ему, организации деятельности, направленной на побуждение к самоубийству, будет способствовать, как было отмечено ранее, рассмотрение составов этих преступлений сквозь призму квазисоучастия. С некоторыми оговорками, касающимися специфики совместности действий соучастников преступления, все критерии субъективной стороны, свойственные соучастию, в полной мере применимы к посягательствам, предусмотренным ст. ст. 110, 110¹, 110² УК РФ.

Дискуссионность доктринального толкования субъективной стороны исследуемых преступлений (в первую очередь доведения до самоубийства) продуцируется изначально *ошибочным упущением факта квазисоучастия* в самоубийстве. Оно, как и соучастие, должно характеризоваться исключительно умышленной формой вины.

Результаты анализа содержания субъективной стороны исследуемых преступлений позволяют сделать следующие выводы. *Во-первых*, в соответствии с действующей редакцией ст. 110 УК РФ, *которую следует признать базовой для исследуемых преступлений*, квазисоучастие при доведении до самоубийства или покушения на него однозначно, по мнению соискателя, предполагает умышленную форму вины (прямой или косвенный умысел).

Во-вторых, несколько иной подход законодателя мы наблюдаем при конструировании субъективной стороны преступлений, предусмотренных в ст. ст. 110¹ и 110² УК РФ. Склонение к самоубийству, содействие самоубийству, их квалифицированные составы, организация деятельности, направленной на побуждение к самоубийству, предполагают только прямой умысел, так как их составы сконструированы по типу формальных. В то же время преступления, сформулированные законодателем в ч. ч. 4, 5, 6 ст. 110¹ УК РФ, могут быть совершены и с косвенным умыслом.

Субъект преступлений, предусмотренных ст. ст. ст. 110, 110¹, 110² УК РФ, *общий*. Каких-либо специфических признаков, которые бы характеризовали данный элемент составов рассматриваемых преступлений, законодатель не предусматривает.

Глава третья «Квалифицированные составы доведения, склонения, содействия самоубийству и организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, проблемы пенализации» структурно не подразделена на параграфы. В диссертации отмечено, что проблемы дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания всегда являлись краеугольным камнем в науке уголовного права и судебной практике по противодействию тому либо иному виду преступлений. Правовой механизм разрешения этих проблем сопряжен в первую очередь с построением квалифицированных составов преступлений, что характерно и для рассматриваемых деяний (ч. 2 ст. 110, ч. 3-6 ст. 110¹, ч. 2 ст. 110² УК РФ). Естественно, согласно ему разрешаются и проблемы пенализации анализируемых преступлений.

Законодатель предусмотрел в названных статьях идентичные квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, лишь сгруппировал их неодинаково, *придав разное значение для установления пределов санкций соответствующих уголовно-правовых норм, т.е. для осуществления пенализации.* При этом *отправным критерием* выступают соответствующие виды и пределы наказаний, первоначально установленные санкцией ч. 1 ст. 110 УК РФ.

Федеральным законом от 07.06. 2017 г. № 120-ФЗ в редакцию ст. 110 УК РФ внесены кардинальные изменения, касающиеся дифференциации ответственности и пенализации доведения до самоубийства. В статью была введена ч. 2, предусматривающая соответствующие квалифицирующие признаки. Кроме того, законодатель включил в УК РФ новые статьи 110¹ и 110². Однако процесс корректирования дифференциации уголовной ответственности за исследуемые виды преступлений продолжился и уже через полтора месяца Федеральным законом от 29.07. 2017 г. № 248-ФЗ в санкции норм ст. ст. 110, 110¹ и 110² УК РФ, предусматривающих квалифицированные составы названных в них деяний, вновь были внесены серьезные коррективы.

Первая интерпретация построения квалифицированных составов преступлений, сопряженных с доведением до самоубийства или покушением на него, представлена в ч. 2 ст. 110 УК РФ. Законодатель включает в эту норму следующие квалифицирующие признаки – совершение деяния: а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного; б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; в) в отношении двух или более лиц; г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; д) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях

(включая сеть «Интернет»). Санкция этой нормы предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет.

Вторая интерпретация построения квалифицированных составов преступлений, сопряженных со склонением к самоубийству или содействием ему, и установления санкций представлена в ч. 3 ст. 110¹ УК РФ, в которую законодатель включил такие же квалифицирующие признаки, как в ч. 2 ст. 110 УК РФ, предусмотрев лишение свободы на срок до 4 лет.

Третья интерпретация построения квалифицированных составов преступлений, сопряженных со склонением к самоубийству или содействием ему, и установления санкций своеобразно смоделирована в ч. 4 ст. 110¹ УК РФ, в которой законодатель предусмотрел *последствия*, т.е. совершение самоубийства или покушения на него. По сути дела, имеет место доведение до самоубийства или покушение на него, как и в ч. 1 ст. 110 УК РФ, но совершенное несколькими иными способами, существенно менее общественно опасными. Однако санкция этой нормы предусматривает лишение свободы на срок от 5 до 10 лет, а санкция ч. 1 ст. 110 УК РФ – от 2 до 6 лет.

Четвертая интерпретация построения квалифицированных составов, сопряженных со склонением к самоубийству или содействием ему, и установления санкций закреплена в ч. 5 ст. 110¹ УК РФ. Законодатель для этого состава предусматривает следующие квалифицирующие признаки: а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного; б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. Санкция этой уголовно-правовой нормы устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 12 лет.

Дифференциация уголовной ответственности за рассматриваемые преступления продолжена в ч. 6 ст. 110¹ УК РФ, в которой законодатель следующим образом сформулировал квалифицированный состав: «Деяния, предусмотренные частью первой, второй или третьей настоящей статьи, повлекшие самоубийство двух или более лиц». Санкция этой уголовно-правовой нормы устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет, как и ч. 2 ст. 110 УК РФ.

Своеобразно построен квалифицированный состав *организации деятельности*, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к его совершению. Степень общественной опасности деяния повышает его сопряженность с: а) публичным выступлением, б) использованием публично демонстрирующегося произведения, в) использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Санкция ч. 2

ст. 110² УК РФ предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 15 лет.

Таким образом, законодатель с учетом конкретных квалифицирующих признаков пытается сформулировать различные проявления доведения до самоубийства (склонения, содействия, организации), содержащие различную дозу общественной опасности в зависимости от того либо иного обстоятельства. Однако законодатель не всегда последователен в установлении *соотношения* степени общественной опасности преступлений, сопряженных с доведением до самоубийства, с пределами санкций соответствующих уголовно-правовых норм. Поэтому для обеспечения правильной квалификации анализируемых деяний, дифференциации уголовной ответственности, построения обоснованных санкций и последующей индивидуализации наказания за доведение до самоубийства, руководствуясь положениями института соучастия, на базе положений ст. 110, ст. 110¹, ст. 110² целесообразно сконструировать одну статью УК РФ в новой редакции (исключив из кодекса ст. 110¹ и ст. 110²).

Глава четвертая «Зарубежный опыт регламентации уголовной ответственности за квазисоучастие в самоубийстве: компаративистский анализ» включает два параграфа. *В первом параграфе «Религиозные предпосылки криминализации суицида и квазисоучастия в самоубийстве в светском законодательстве: особенности подходов законодателей в странах с различными правовыми системами»* рассмотрены религиозные предпосылки криминализации различных форм квазисоучастия в самоубийстве в светском законодательстве с учетом правовых систем. При этом особо подчеркнуто, что они находили различное воплощение в конкретных странах мира в зависимости от вероучения. Общеизвестно, что религиозные догмы способны укрепить силу духа индивида, повысить его сопротивляемость внешнему негативному воздействию. Однако они не являются панацеей от суицида, поскольку человек может попасть в крайне неблагоприятные условия жизни (трудная жизненная ситуация, агрессия со стороны близких, систематическое унижение чести и достоинства и т.д.), а также вовлечения в него. Во втором случае важным направлением противодействия суициду выступают меры социально-правового противодействия. В системе этих мер, способных внести значимый вклад в минимизацию подобных проявлений в современном обществе, особое место занимают уголовно-правовые.

Во втором параграфе «Противодействие квазисоучастию в самоубийстве в зарубежном уголовном законодательстве» содержится анализ подходов законодателей к криминализации квазисоучастия в самоубийстве с уче-

том особенностей той или иной системы права, позволивший сформулировать следующие выводы:

– в подавляющем большинстве европейских государств на фоне признания права человека на распоряжение своей жизнью и отказа от уголовной ответственности за самоубийство осуществлена криминализация квазисоучастия в его совершении;

– институт квазисоучастия в разных странах находит выражение в следующих действиях, свойственных институту соучастия: а) *подстрекательство* к самоубийству, б) *склонение* к самоубийству, в) *помощь (содействие)* в самоубийстве;

– в уголовном законодательстве ряда стран криминализация ограничена следующими обстоятельствами: особая категория склоняемых к самоубийству лиц, связанная с возрастом и уровнем интеллектуального и волевого развития – малолетние, психически больные (Италия, Сан-Марино); нахождение в материальной или иной зависимости от виновного, наличие особых родственных отношений – в отношении «мужа (жены) или близкого родственника», «несовершеннолетнего» (УК Молдовы);

– установлен особый способ воздействия на потерпевшего: а) шантаж, в) принуждение к противоправным действиям (УК Украины), в) угроза (УК Грузии), г) клевета (УК Туркменистана);

– субъективная сторона составов всех видов квазисоучастия в уголовных кодексах изученных стран предполагает умышленную форму вины; исключение составляет ст. 110 УК Армении, в которой законодатель предусматривает косвенный умысел или неосторожность для доведения до самоубийства; из числа факультативных признаков субъективной стороны лишь Уголовный кодекс Швейцарии предусматривает корыстную цель, а УК Австрии – корыстные побуждения.

Соискателем отмечен опыт законодателя Франции, самостоятельно криминализировавшего пропаганду и рекламу самоубийства. В определенной мере эти положения французского закона перекликаются с установлениями ст. 110² УК РФ.

В отличие от УК РФ, в уголовном законодательстве ряда европейских государств имеют место специальные составы преступлений, учитывающие особое состояние потерпевшего (неизлечимая болезнь, тяжелые страдания, обусловленные тяжким заболеванием). Как правило, они отнесены к категории привилегированных. Оценив этот подход, автор считает целесообразным пойти дальше и предусмотреть специальный вид освобождения от уголовной ответственности в примечании к ст. 110 УК РФ в предлагаемой им редакции (она представлена в положении 10, выносимом на защиту).

В **заключении** подведены итоги диссертационного исследования, сформулированы основные, представляющие теоретический и практический интерес, выводы и предложения, а также разработанная соискателем новая редакция ст. 110 УК РФ.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. *Елисеева, Н.М.* Европейский опыт криминализации квазисоучастия в самоубийстве / Н.М. Елисеева // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 5. – С. 131-134 (0,45 п.л.).

2. *Елисеева, Н.М.* Понятие «квазисоучастие» в контексте противодействия доведению до самоубийства / Н.М. Елисеева // Российский следователь. – 2019. – № 10. – С. 20-23 (0,4 п.л.).

3. *Елисеева, Н.М.* Теологические основы криминализации доведения до самоубийства: сравнительный анализ догм основных религиозных вероучений / Н.М. Елисеева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 10. – С. 130-133 (0,3 п.л.).

4. *Елисеева, Н.М.* К вопросу о содержании субъективной стороны квазисоучастия в доведении до самоубийства / Н.М. Елисеева // Российский следователь. – 2020. – № 1. – С. 35-38 (0,3 п.л.).

Статьи в зарубежных изданиях:

5. *Елисеева, Н.М.* Понятие «квазисоучастие» применительно к проблеме противодействия доведению до самоубийства: трансформация законодательных и теоретических подходов / Н.М. Елисеева // Sciences of Europe (Praha, Czech Republic). – VOL. 2, No 15 (15) (2017). – С. 39-43 (0,4 п.л.).

Статьи, опубликованные в иных изданиях:

6. *Елисеева, Н.М.* Эволюция института уголовной ответственности за доведение до самоубийства в России в XX-XXI вв. / Н.М. Елисеева // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности и здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов: материалы VII международной научно-практической конференции (Краснодар: КСЭИ, 20 апреля 2018 г.) / отв. ред. М.Л. Прохорова. – Краснодар, 2018. – С. 87-93 (0,55 п.л.).

7. *Елисеева, Н.М.* Теологические основы криминализации доведения до самоубийства через призму догм христианского вероучения / Н.М. Елисеева // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции (Краснодар: КрУ МВД РФ, 21 сентября 2018 г.). – Краснодар, 2018. – Том 1. – С. 244-247 (0,3 п.л.).

8. *Елисеева, Н.М.* Объективная сторона состава доведения до самоубийства (ч. 1 ст. 110 УК РФ): проблемы правовой регламентации и основные направления оптимизации / Н.М. Елисеева // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности и здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов: материалы VIII международной научно-практической конференции (Краснодар: КСЭИ, 18 апреля 2019 г.) / отв. ред. М.Л. Прохорова. – Краснодар, 2019. – С. 82-87 (0,4 п.л.).